

Игра может казаться честной, если все ее участники обмануты в самом начале.

Стивен Кинг «Долгая прогулка»

Очень печально, что стремление людей уменьшить зло порождает так много нового зла.

Георг Лихтенберг

ГЛАВА 1

Бунтарь знал, что ему приходится бывать на Помосте гораздо чаще остальных превенторов. Сложно сказать, по чьему распоряжению это делалось — Лидера или же самого Претора, — но в том, что Бунтарь появлялся на арене для поединков по особому расписанию, виделась несомненная логика.

Нет, никто не оказывал таким образом чести превентору, носившему первый порядковый номер. Как, впрочем, и не стремился сжить со света Бунтаря, самого своенравного бойца охранной группы «Ундецима». Хотя именно благодаря своей хронической строптивости он появлялся на Помосте два, а то и три раза в неделю, неся таким образом заслуженное наказание. Но не воспитательное, а скорее профилактическое, поскольку перевоспитать Первого подобными мерами было бы невозможно. И Лидер, и Претор прекрасно понимали это, однако продолжали для острастки наказывать Бунтаря даже тогда, когда он вроде бы стал держать себя в рамках приличия.

Быть Первым в «Ундециме» отнюдь не почетно. Вот Лидер, к слову, был Седьмым, но тем не менее Претор назначил его старшим над остальными десятью превенторами. Бунтарь полагал, что это несправедливо. Будь он Претором, то поставил бы во главе своего подразделения кого-нибудь другого. Третьего — Мыслителя к примеру. По мнению Бунтаря, этот пре-

вентор подходил для командирской должности лучше, чем любой из них. Мыслитель пользовался в группе не меньшим авторитетом, чем Лидер, к тому же мог рассуждать о чем угодно и при этом не заглядывать поминутно в Скрижаль, как педант Седьмой. Да, Третий был бы неплохим Лидером, а вот Лидеру стать Мыслителем не суждено при всем старании — слишком ограничено у него мышление. Бунтарю же не светило место ни того ни другого. Но Первый не завидовал товарищам, потому что не видел для этого повода.

Как не видел он повода для зависти и в том, что, в отличие от него, все превенторы могли беспрепятственно перемещаться по Периферии, а он был вынужден жить в изоляторе, покидая его лишь затем, чтобы опять выйти на Помост и получить очередную профилактическую взбучку. Или принять участие в хозработках — как соизволит командование. Претор искренне думал, что, приказав Лидеру ограничить смутьяну свободу, он тем самым избавил «Ундециму» от досадной проблемы. Бунтарь, напротив, считал, что, заперев его в изоляторе, вождь оказал Первому большую услугу, поскольку в действительности изолировал не его от остальных, а совсем наоборот. По крайней мере, Первый не узрел в приговоре Претора какого-либо ущемления свободы и не воспринял свое заточение как наказание.

И действительно, о какой свободе вообще могла идти речь на Периферии — примыкающем к горному склону участке площадью в половину квадратного километра, обнесенном тремя рядами колючей проволоки и валом, поверх которого была выстроена кирпичная стена в два человеческих роста? Да, превенторы чувствовали себя полноправными хозяевами Периферии, но разве это давало им право называться свободными людьми?

Бунтарь рассмеялся Лидеру в лицо, когда тот довел до него приказ о сепаратном содержании Первого. Но, с другой стороны, что еще мог предпринять Лидер в

отношении подчиненного, который публично разбил свою Скрижаль и отказался соблюдать заветы Претора? Никто не имел права изгонять Бунтаря за колючую проволоку, в Одиум, а возвращаться в подземный город Контрабэллум, форпостом которого на поверхности и являлась Периферия, превенторам строго запрещалось.

Бунтарь категорически отказался считать заветы Претора единственно правильными, но наказание сносил молча, как и пристало состоящему на воинской службе человеку. В этом плане Первый продолжал оставаться дисциплинированным служакой, пусть его и не устраивали сложившиеся на Периферии порядки. В конце концов, лучше уж получать синяки и шишки на Помосте, чем нести унылые суточные вахты на сторожевой башне. Туда Бунтаря уже не допускали, поскольку Лидер не доверял наблюдению за округой потенциально ненадежному возмутителю спокойствия. Поэтому и приходилось Первому служить для собратьев постоянным спарринг-партнером — тоже своего рода вахта, пусть краткосрочная, зато более напряженная.

Вряд ли введенные Претором в гарнизоне порядки нравились всем без исключения превенторам, но они никогда не выражали свое недовольство вслух. Других бунтарей в «Ундециме» не водилось, в чем заключался несомненный плюс, будь на Периферии таких, как Первый, не один, а хотя бы двое, и проблем от этого тоже прибавилось бы, как минимум, в два раза.

Знай Бунтарь, что этот вызов на Помост станет для него последним, вероятно, он проникся бы торжественностью момента и постарался каким-нибудь образом сделать рутинное наказание запоминающимся. Однако ни Бунтарь, ни Лидер, с которым ему пришлось сегодня биться, пока еще понятия не имели,

что судьба больше никогда не сведет их на арене для поединков.

Утро последней субботы месяца началось вполне обычно. В семь часов над карантинным шлюзом — единственным выходом из подземного города на поверхность — завывла сирена, давая понять, что в шлюзовой камере превенторов ожидает присланный из Контрабэллума контейнер с продовольствием и необходимыми в хозяйстве вещами. Протяжные гудки сирены извещали о том, чтобы обитатели гарнизона готовились к приему груза, который требовалось переправить из шлюзовой камеры на склад за полтора часа. В половине девятого вновь звучала сирена, ворота шлюза закрывались, и перевозчики, доставившие «Ундециме» из подземного города груз, должны были вернуться и забрать пустой контейнер. За те пять лет, что превенторы провели на поверхности, график поставок и процедура разгрузки не претерпели никаких изменений.

Бунтарь не спрашивал, что за шлея попала сегодня спозаранку Лидеру под хвост и почему командир решил провести свой поединок именно тогда, когда остальные превенторы будут заняты разгрузкой контейнера. Наверное, Седьмой просто решил размяться перед завтраком, поскольку делать это, помогая подчиненным таскать коробки на склад, было для Лидера несолидно. В любом случае, Бунтарь вышел на свой последний поединок на Помосте в обычном предбоевом настроении: здоровая злость и предвкушение того, что сейчас Первый, то есть он, снова получит шанс отплатить Седьмому за застарелые обиды.

Вид на Одиум с Помоста, как, впрочем, и с любой другой высотной точки Периферии, открывался великолепный. Если Бунтарь поворачивался спиной к карантинному шлюзу, то по правую руку от него оказывалась гряда высоких гор в сверкающих снеговых шапках. На горных склонах росли разлапистые ели, и казалось, будто это именно они удерживали на вершинах

снег, мешая ему лавинами скатываться к подножию гряды. Слева за гарнизонным забором находилось неширокое, но протянувшееся на несколько километров озеро, на дальнем берегу коего тоже возвышались горы. А прямо перед Бунтарем раскинулась прибрежная долина, поросшая так же, как склоны гор, густым хвойным лесом, отражающимся в прозрачных озерных водах, будто в зеркале.

Плотная стена деревьев разделялась надвое неширокой просекой. Когда-то по ней была проложена ведущая к Периферии из Одиума грунтовая дорога. Но теперь она полностью заросла травой и высоким кустарником, поскольку связь Контрабэллума с остальным миром давно прервалась. Редкие любопытные, что порой околачивались у стен гарнизона и иногда норовили проникнуть на Периферию, не могли протоптать в лесу даже тропку, не говоря уже о том, чтобы проторить новую дорогу.

При виде столь живописной картины у любого оказавшегося здесь гражданина Контрабэллума должно было перехватывать дух и возникать искушение вырваться на свободу. Бунтарь не однажды пытался представить, что чувствовал бы он, если бы прожил долгое время в подземном городе, а затем вышел на поверхность и взглянул на раскинувшийся перед ним безграничный Одиум. Вряд ли в такой момент Первый думал бы об ужасах, что творились за теми горами и лесом, о гнусных пороках, в коих погрязли обитатели Одиума, и о ненависти, которую неминуемо обрушили бы они на выходца из «более совершенного мира» — под таким определением значился Контрабэллум в Скрижалях каждого превентора.

Бунтарь допускал, что это утверждение Претора справедливо. Все люди, что забредали сюда из-за гор, производили на превенторов крайне негативное впечатление. Крикливые и неохотно реагирующие на требования хозяев, пришельцы бродили вокруг Периферии и почти всегда оставляли за собой кучи мусора.

Его, скрепя сердце, приходилось убирать Лидеру — единственному превентору, которому позволялось пересекать охранный периметр. Мусора за двумя-тремя пришельцами порой оставалось так много, что Бунтарь поневоле ужасался тому, в какие же помойки наверняка превратились сегодня города Одиума, где проживают миллионы жителей.

Но обо всех этих ужасах обычный гражданин Контрабэллума, оказавшись он вдруг на Периферии, задумался бы уже во вторую очередь. А Бунтарь, находясь на Помосте, не задумывался и вовсе. Как не задумывался и ни о чем другом, поскольку не привык забивать голову посторонними мыслями во время поединка.

Тренировочные бои проводились либо на кулаках, либо на страйкерах — метровых деревянных дубинках с закругленным концом и двуручной рукоятью. Лидер — а именно он всегда диктовал на Помосте правила — выбрал сегодня второй вариант. Как и всегда, Бунтарь не имел ничего против — со страйкером он обращался неплохо.

Худощавый, среднего роста и на вид слегка неуклюжий Бунтарь на первых порах вводил в заблуждение многих своих соперников по Помосту. Особенно тех, кому проигрывал в росте и весе, как, например, Лидеру. Синие глаза Бунтаря не источали свирепость и не повергали врага в дрожь; обычный взгляд осторожного, но уверенного в себе человека, который, казалось, вовсе не настроен на схватку и готов прекратить ее, если противник вдруг откажется сопротивляться. За пределами Помоста взгляд Первого мог даже вызвать доверие, но, правда, лишь у тех, кто плохо знал строптивца, а таковых сегодня на Периферии не было.

Если судить по внешним признакам, то Седьмой больше походил на бойца, нежели его сегодняшней соперник. Рослый — выше двух метров, — статный брюнет с массивным, типично «лидерским», волевым подбородком, Лидер мог бы выйти с голыми руками даже против двух вооруженных противников. Он и вы-

ходил, только с Бунтарем почему-то всегда предпочитал драться один на один. Судей на Помосте не было, особых ограничений — тоже. Дерись, как умеешь, только не калечь соперника. Дисциплинированные превенторы незыблемо подчинялись этому кодексу, хотя порой их тренировочные схватки выдавались весьма горячими.

В который раз Бунтарь смотрел в глаза Лидера, вознамерившегося отдубасить его страйкером, но так и не мог определить, действительно ли Седьмой желает ему зла или же просто выпускает таким образом пар. Бил Лидер крепко, но без той отчаянной ярости, с какой обычно дрался на Помосте их товарищ по оружию Бледный. Однако и без подобных выплесков злобы бои с командиром были, пожалуй, самыми тяжелыми из всех, что успел провести Бунтарь за пять лет жизни на Периферии...

Лидер совершил несколько коварных выпадов, проводя ложные атаки вперемешку с настоящими, а рубящие удары чередуя с тычковыми. Из всех превенторов Седьмой обладал самым стремительным и мощным ударом. Под стать ловкому командиру со страйкером обращалась только Невидимка — хорошая и, пожалуй, единственная подруга Бунтаря в жизни, но непримиримая противница на Помосте.

Замешкайся сейчас Бунтарь или поддайся на провокацию, и он уже непременно валялся бы без сознания и с внушительной шишкой на голове. Но Первый быстро приноровился к давно изученной им манере боя противника и вскоре стал не только с успехом уворачиваться от ударов, но и определять, когда вражеская атака будет ложной, а когда настоящей.

На Помосте имелось достаточно места для маневров, но падать с лишенной перил деревянной площадки никому из противников не хотелось. Помост был возведен на высоте двух метров от земли, поэтому неудачное падение с него могло завершиться даже свернутой шеей. Но не было еще на памяти Бунтаря такого

боя, когда один противник не пытался бы загнать другого к краю площадки, чтобы спихнуть его оттуда под восторженные крики своих болельщиков. Бунтарь и сам применял такую уловку, равно как имел неосторожность падать с Помоста на рассыпанный внизу песок. Всякое случалось за эти годы — и победы, и поражения, хотя у Лидера количество первых явно превалировало над последними.

Не слишком мудреная тактика — уклониться от атакующего тебя громилы и дать ему сорваться вниз. Но с Седьмым такие шутки сроду не проходили. А вот ему уже дважды удавалось раньше скидывать Бунтаря с Помоста. Причем один раз, наиболее обидный, — буквально на стартовых секундах боя. С тех пор Бунтарь не пытался подшучивать в бою над Лидером, поскольку такие шутки легко могли обернуться для Первого горькими последствиями.

В начале боя Бунтарь все же не сумел проявить должную сноровку и заработал себе парочку ушибов и рассеченную бровь. Мог бы заработать еще, но после первых пропущенных ударов в нем закипели обида и гнев, поэтому дальше безнаказанно колошматить себя превентор не позволил. И после того как он провел несколько удачных контратак, пришлось уже Лидеру задуматься о защите, которой он, окрыленный первоначальным преимуществом, решил было пренебречь.

Время боя на Помосте не регламентировалось. Обычно превенторы бились до победы, каковой считались либо нокаут, либо иные ее формы вроде болевого захвата или обездвиживания противника. Сдаваться, будучи в силах продолжать схватку, считалось среди превенторов недостойным поступком. И потому порой бывало так, что в ходе одного боя некоторым «счастливчикам» выпадало по несколько раз меняться ролями победителя и проигравшего.

Бунтарю не нравились многие существующие в «Ундециме» не оговоренные Скрижалью правила, но насчет них он возмущался редко. Все-таки эти нормы

были выработаны уже в узком превенторском кругу, а не навязаны Претором, и, следовательно, вынуждали относиться к ним с большим уважением.

Бунтарь отер с лица кровь, текущую из рассеченной брови, и именно в этот миг Лидер ринулся в яростную атаку — видимо, нарочно подгадывал момент, когда соперник пусть ненадолго, но отвлечется. Однако Первый был начеку. Он крутанулся волчком, отбив нацеленный ему в солнечное сплетение страйкер, после чего, уйдя с линии атаки, нанес промахнувшемуся противнику удар в затылок.

Седьмой потерял равновесие и упал на колени в шаге от края площадки, после чего, опасаясь, как бы противник не спихнул его с Помоста, попятился назад. Всего на секунду упустил Лидер из внимания Бунтаря, но тому хватило времени осуществить задуманный прием.

Прыгнув противнику на спину, Бунтарь заехал ему локтем под основание черепа — не слишком сильно, дабы ненароком не убить, но вполне достаточно для того, чтобы у Седьмого пропали желание и возможность продолжать схватку. Пусть знает, как выгонять подчиненных на Помост перед завтраком и дубасить их палкой. Возможно, на сытый желудок Первый вел бы себя погуманнее, хотя в отношении к Лидеру этот гуманизм и тогда вряд ли проявился бы. Из всех одиннадцати превенторов командира «Ундецимы» Бунтарь охаживал на Помосте безо всякого сожаления, даже будучи в хорошем расположении духа...

Никаких сюрпризов этот бой не преподнес: вполне обычная победа, и уже завтра Лидер мог легко взять у Бунтаря реванш. Обидно только, что сегодняшний триумф Первого случился не при свидетелях — собратья были заняты разгрузкой контейнера.

Бунтарь полагал, что раз уж он сегодня отбил досрочно, то прежде чем препроводить его обратно в

изолятор, Лидер все-таки загонит триумфатора на хозяйственные работы. Однако несмотря на то, что сегодняшний выход на Помост выдался короче обычного, разгрузка завершилась еще раньше, чем Первый отправил Лидера в нокаут.

Это было, мягко говоря, необычно. На памяти у Бунтаря еще ни один доставленный из Контрабэллума на Периферию контейнер не разгружался столь оперативно. Вон в прошлом месяце Лидеру даже пришлось подгонять подчиненных, чтобы те успели перетаскать за полтора часа все коробки — столько всевозможного добра прислал «Ундециме» заботливый Претор. Нынче же превенторы управились быстрее, чем за двадцать минут... Странно...

Не исключено, что прежней превенторской вахте, которая несла на поверхности службу до «Ундецимы», было не привыкать к скудным поставкам. Как говорилось в Скрижали, в первые годы существования Контрабэллума производство необходимых для жизни товаров в изолированном от мира городе еще только налаживалось, и потому снабжение тогда шло из рук вон плохо. Но пять лет, которые провел на Периферии Бунтарь, бойцы передового гарнизона всегда жили на щедрым материальном обеспечении.

Одиннадцать человек — семь мужчин и четыре женщины — вышли пять лет назад из ворот Контрабэллума и с тех пор несли службу, надежно оберегая свой город от обитателей Одиума. За это Претор снабжал «Ундециму» всем необходимым для жизни — по крайней мере, жаловаться на голод или отсутствие медикаментов превенторам пока не доводилось.

— Надеюсь, на следующей неделе ты дашь мне отдохнуть от Помоста, — сказал Первый, помогая Лидеру подняться на ноги. Бунтарь сполна поквитался за испорченный завтрак и теперь мог позволить себе в отношении к проигравшему небольшое великодушие. «Интересно, — подумал при этом Бунтарь, — а если бы один из нас прикончил другого, где бы захоронили

тело: здесь, на Периферии, или же отправили бы его вниз, в Контрабэллум?» Наверное, Скрижаль могла бы дать ответ на этот вопрос, но сегодня у Первого не было возможности спросить об этом у электронного советника.

— Как будто ты у себя в изоляторе перетруждаешься! — мотая подбитой головой, буркнул только что оклемавшийся командир. Бунтарь пожалел, что заикнулся на эту тему, но было поздно: теперь Лидер назло устроит Первому один, а то и два внеплановых боя. Сейчас Седьмой говорил с ним, однако не отрываясь смотрел в сторону шлюза, очевидно, у Лидера тоже вызвала недоумение нынешняя скудная поставка из города. — Живешь по особому графику, еще и вечно чем-то недоволен, — добавил он. — Проклятие, неужели это все, что они нам сегодня прислали?! У них там что, продуктовый кризис?.. Ты это... иди к себе, Бунтарь. Сейчас я пришлю в изолятор Невидимку — она заштопает тебе бровь. А через полчаса зайду сам — мне надо с тобой поговорить.

— О чем? — любопытствовал Первый, хотя и догадывался, что ничего хорошего от грядущего разговора с Лидером ожидать не следует. Из всех превенторов Бунтарь был последним, с кем командир согласился бы поболтать просто так, от нечего делать. Поэтому, если Лидер желал-таки провести с Первым беседу, значит, на то имелась веская причина.

Однако что могло послужить причиной на сей раз, Бунтарь пока не подозревал. Разве только это было как-то связано со странной поставкой из Контрабэллума... Но явно не по поводу нарушения дисциплины — сегодня предъявлять Первому такие обвинения было бесосновательно. Трехлетняя изоляция строптивца погасила в «Ундециме» все конфликты, и Седьмому уже давно не приходилось предпринимать дополнительные меры для поддержания порядка на Периферии.

Лидер не ответил Первому и неуверенной, шаткой

походкой побрел к шлюзовому отсеку проверять доставленный груз. Бунтарь постоял еще немного у Помоста, наслаждаясь прохладным утренним ветерком, освежающим разгоряченное лицо, посмотрел на горы, которые не были видны с террасы его изолятора, после чего, уже не задерживаясь, зашагал обратно, на противоположный край Периферии. Он возвращался домой... насколько вообще было применимо данное определение к собственной тюрьме.

Дом... Бунтарь знал, что и в Контрабэллуме, и в Одиуме это слово означало нечто большее, чем обычное строение, где можно укрываться от дождя и холода. И выглядели эти дома в большинстве своем отнюдь не так, как квадратные серые постройки, в которых жили и несли службу превенторы. Скрижаль охотно демонстрировала бойцам «Ундецимы» картинки с видами не только Контрабэллума, но и прочих городов планеты, куда гражданам подземного города-республики был заказан путь.

Из всех превенторов Бунтарь один возмущался такой мерой предосторожности. Мыслитель — единственный человек, который до изоляции Первого соглашался разговаривать с ним на любые темы, — однажды выслушал недовольство товарища и заявил следующее: раз уж больше никто на Периферии не испытывает желания разгуливать по Одиуму, значит, тяга Бунтаря к свободе — противоестественное для превенторов исключение. Возможно, не изжитое до конца дурное наследие прежней жизни. Странно, почему Бунтарь вообще поддержал в свое время Претора и последовал за ним в закрытый подземный город? Ведь все граждане Контрабэллума были заранее предупреждены, что назад для них дороги не будет.

«Не отбери каждого из нас на службу лично Претор, — сказал тогда Мыслитель, — то я бы решил, что тебя подослали к нам из Одиума, чтобы ты искушал нас вернуться обратно».

Нет, Бунтарь очутился на Периферии, как и про-

чие превенторы: вышел из недр Контрабэллума пять лет назад с короткой дубинкой-страйкером в руке и Скрижалю на поясе. Закрывшиеся за спиной Бунтаря стальные ворота карантинного шлюза являлись той преградой, в которую упирались все его воспоминания о прошлом. Что происходило с Первым до этого момента, он, как и прочие превенторы, не помнил. Зато превосходно знал, зачем они появились на Периферии, кому служат и как следует поступать, если у тебя возникают какие-нибудь вопросы.

Вопросов поначалу имелось очень много. Ответы же на них были заключены в Скрижали — компактном, чуть больше ладони, устройстве, на дисплее которого отображалась затребованная превентором информация. Надо было лишь нажать одну-единственную красную кнопку и точно сформулировать вопрос, произнеся его четким голосом. Долго ждать ответа не приходилось. Он отображался текстом на дисплее максимум в течение минуты — доходчивый и предельно емкий.

Поначалу жизнь казалась Бунтарю простой и необременительной. Сегодня, по прошествии пяти лет, было даже удивительно, почему раньше Первый в упор не замечал большинство терзающих его ныне проблем. Вон остальные превенторы до сих пор совершенно равнодушны к тому, что происходит за пределами Периферии. А если изредка и задумываются над этим, то только после того, как Бунтарь озадачит их своими вопросами.

Задумываются и сразу кидаются за советом к Скрижали. А та успокаивает превенторов, уверяя, что много думать — это нехорошо, поскольку их задача — не думать, а охранять периметр и следить за округой. За «Ундециму» думает Претор — вождь и благодетель Контрабэллума; самый мудрый человек на планете, который вот уже много лет озабочен спасением человеческой цивилизации... Даже рассудительного Мыслителя устраивало такое положение дел, не говоря уже

о Лидере и остальных. Но только не Бунтаря, казалось бы, одного роду-племени с остальными обитателями гарнизона, но почему-то вечно недовольного добровольно избранной для себя судьбой.

Само собой, Скрижаль отвечала Первому и на те вопросы, какие остальные превенторы никогда не задавали этой коробочке с красной кнопкой. Однако Бунтаря такие ответы не удовлетворяли.

«Кто я?» — не однажды пытался спрашивать он Скрижаль.

И всегда получал одинаковый ответ:

«Доброволец, выбранный из числа лучших граждан Контрабэллума для охраны его форпоста от посягательств извне. Мы не воюем с Одиумом, однако не все его обитатели относятся к нам с терпимостью. Поэтому вы и ваши товарищи вызвались оберегать Периферию до тех пор, пока вас не отзовут обратно».

«Но почему я совершенно не помню ни Контрабэллум, ни свое прошлое?»

«Вы слишком долго прожили в подземном городе, — отвечала Скрижаль. — Перед вашим выходом на поверхность планеты вас при помощи гипноза заставили полностью забыть собственное прошлое, чтобы вы не были шокированы и сумели адаптироваться к резкой перемене обстановки и длительному сроку службы. Вам обязательно восстановят память, как только ваша вахта закончится».

«Когда это случится?»

«Информация засекречена».

«Что заставило меня стать гражданином Контрабэллума?»

«Вас не устраивали порядки Одиума, и вы, подобно прочим добровольцам, решили поддержать Претора и примкнуть к его многочисленным единомышленникам, озабоченным грядущим крахом современной цивилизации и пытающимся сохранить все самое лучшее, чего она успела достичь. Чтобы потом на ее руинах создать новую, более прогрессивную и мирную».

«Я хочу встретиться с Претором».

«Это невозможно. Никто из граждан Контрабэллума, кроме превенторов, не имеет права покидать город. Вам также запрещено возвращаться в город до истечения срока службы и контактировать в карантинном шлюзе с поставщиками продовольствия».

«А если я захочу уйти со службы?»

«Тем самым вы нарушите договор и присягу, которую дали гражданам Контрабэллума, поклявшись безоговорочно исполнять возложенный на себя долг превентора до тех пор, пока вас не отзовут с поста»...

Вопрос об уходе со службы был задан Бунтарем безо всякой задней мысли. Ни в какую отставку он, естественно, уходить не собирался. И не только потому, что принял присягу и подписал договор, из которых, увы, не помнил ни строчки. Бунтарь выражал недовольство условиями службы, но сама Периферия ему нравилась. После того как он насмотрелся на забредающих сюда обитателей Одиума, у Первого пропало всякое желание покидать гарнизон, даже из чистого любопытства. Но еще сильнее Бунтарю не хотелось возвращаться назад, в Контрабэллум, где не было леса, гор, солнца и голубого неба. А были лишь каменные стены и высокий бетонный свод над головой, чьи изображения демонстрировала Скрижаль. Не поэтому ли Бунтарь записался в превенторы, чтобы надолго покинуть унылый подземный город?

Иной причины своего нахождения здесь Первый не видел. Вряд ли он подписал тот кабальный договор, движимый лишь беззаветной преданностью Контрабэллуму и Претору. Вот для Лидера и остальных превенторов такая благородная цель вполне могла бы стать побудительной причиной для службы на Периферии. Никто из собратьев Бунтаря сроду не признавался Скрижали в сомнениях касательно истинности выбранного жизненного пути. И наверняка не признался бы, проторчи они на Периферии еще пять лет. При вступлении в «Ундециму» Первый руководство-

вался иными побуждениями, это бесспорно. Иначе он непременно испытывал бы сейчас к родному городу такие же, как у всех, любовь и патриотизм.

Внешний мир, который Претор именовал Одиумом, катился в пропасть, погрязнув во всех мыслимых и немыслимых бедах. В стране, на территории которой находился город-государство Контрабэллум, только что отгремела Новая Гражданская война, что велась за независимость Пятьдесят Первого штата. И в этом не было ничего необычного: половина планеты была сейчас охвачена всевозможными войнами. Но и в более-менее спокойных уголках Земли людям жилось не лучше. Эпидемии, экологические катастрофы, низкая рождаемость и высокая смертность вели человечество к неминуемой гибели. Претор уверял: крах современной цивилизации может наступить буквально со дня на день («Уж не он ли ознаменует окончание нашей вахты?» — постоянно гадал Бунтарь).

И когда это произойдет, когда отгремят все войны и на планете перестанет свирепствовать смерть, тогда чистые духом и помыслами граждане Контрабэллума выйдут из подземелий. Выйдут и возродят исчезнувшее Человечество, чтобы повести его другим путем — созидательным и мирным. И сейчас здесь, на безлюдном севере, закладывался фундамент нового мира, а одиннадцать превенторов принимали в этом самое непосредственное участие...

Бунтарь в сердцах разбил о камень свою Скрижаль, когда однажды осознал, что, как бы он ни формулировал волнующие его вопросы, ничего толкового от Скрижали ему все равно не добиться.

«Информация засекречена» — Первый давно сбился со счета, сколько раз он видел эту надпись на дисплее Скрижали. После публичного надругательства Бунтаря над святыней Претор и приказал Лидеру содержать неблагонадежного превентора в изоляции от остальных. Бунтарь догадывался, что приказ об этом исходил именно от Претора — вряд ли Лидер осмелил-

ся применить столь жесткое наказание, не посоветовавшись со Скрижалью. И тот факт, что мудрый вождь приказал изолировать Бунтаря, а не отправить его назад, в Контрабэллум, лишний раз подтверждал, что в подземном городе такие смутьяны тоже не нужны...

Изолятор, ставший для Бунтаря домом, располагался на краю Периферии, почти у самого озера, но между берегом и зданием находились ограда, ров и проволочный периметр. Само по себе здание было довольно просторным и даже относительно комфортным. Из-за устройства второго этажа оно походило на большой квадратный башмак, в пятке которого проделана дверь, а на мыске оборудована маленькая — пять на пять метров — терраса, полностью обнесенная решетками.

Лидер нарочно отобрал для изоляции Первого это строение, поскольку не хотел добавлять превенторам хлопот с ежедневными прогулками заключенного. Поселившись здесь, Бунтарь мог хоть сутки напролет торчать на зарешеченной террасе, дыша свежим воздухом и любуясь природой. Чем узник и занимался в свободное время, вот уже три года не становясь ни для кого обузой.

Дверь в изолятор запиралась снаружи, но эта предосторожность была вызвана скорее требованиями режима, нежели реальной необходимостью. Лидер это тоже знал и потому не предпринимал в отношении заключенного других мер пресечения, вроде караула или дополнительного ограждения вокруг изолятора.

Бунтарь не покидал дом без приказа. С тех пор как Первому запретили ходить по Периферии и баламутить собратев провокационными расспросами, он предпочитал уединение, скрашивая его прослушиванием музыки, диски с которой также доставлялись из Контрабэллума, или физическими тренировками на воздухе, для чего на террасе у Бунтаря имелось необ-

ходимое оборудование. Но чаще всего Первый сочетал оба этих занятия. После них он чувствовал себя на удивление бодро, хотя раньше и не особо любил тренироваться в свободное время.

Читал узник редко, хотя Претор регулярно присылал на Периферию наиболее «правильные», с его точки зрения, книги. Подбирались они, судя по всему, по одному критерию: в них непременно рассказывалось обо всех царящих в Одиуме ужасах наподобие войн или экологических бедствий. Их красочное описание должно было отваживать превенторов от искушения покинуть пост и вернуться в тот мир, с которым все они когда-то добровольно и осознанно распрощались.

Бунтарь знал, что в Одиуме есть тысячи способов проведения досуга хорошо и с пользой, но на Периферии превенторам было доступно лишь несколько. И сегодня узник собирался заняться самым приятным из них, поскольку к нему в гости должна была заглянуть его лучшая подруга Невидимка. Бунтарь спешил домой в предвкушении ее скорого визита и полагал, что если в ближайшие четверть часа на Периферии не произойдет ничего непредвиденного, то его сладостные надежды имеют реальный шанс сбыться...

Однако непредвиденное все-таки случилось — редчайшее, надо признать, для Периферии досадное совпадение. Не успел еще Первый дойти до изолятора, как наблюдатель на башне нажал кнопку тревоги, и над гарнизоном раздался вой сирены, гораздо более громкий, чем тот, что будоражил превенторов при открытии карантинного шлюза.

Бунтарь встрепнулся и посмотрел вдаль — туда, где через лес шла давно заросшая просека. Незванные гости из Одиума обычно появлялись со стороны леса, после чего, утолив любопытство, той же дорогой удалялись обратно. Во время их визитов превенторы выходили на стену и контролировали, чтобы пришельцы не перелезли через проволочное ограждение. Но те еще никогда не осмеливались на такое геройство —

преодолеть тройной периметр из колючей проволоки без необходимого инструмента было бы очень сложно.

Самые серьезные эксцессы за минувшие пять лет возникали несколько раз у гарнизонных ворот. Сначала туристы из Одиума — с их слов, активисты какого-то движения в защиту природы — требовали, чтобы их впустили на Периферию, а затем, получив отказ, пытались прорваться туда силой. Превенторы без особого труда выталкивали настырных визитеров за периметр даже без применения страйкеров. Изгнанные пришельцы подолгу возмущались, швырялись камнями, обещали кому-то пожаловаться, устрашали бойцов «Ундецимы» увольнением со службы, но дальше этих угроз дело никогда не заходило. Оскорбленные активисты удалялись, а когда появлялись снова — периодически это случалось примерно раз в полгода, — их опять ожидало фиаско.

Бунтарь пристально всмотрелся в лесные дебри, но, как выяснилось, сегодня нарушители спокойствия двигались не по земле. Небольшой вертолет, похожий издали на хвостатого головастика с лапками, двигался над лесом параллельно просеке, с ритмичным шумом рассекая винтом воздух. Летательный аппарат приблизился довольно быстро: не прошло и минуты, как он появился из-за горизонта, и вот уже шумный гость кружит над Периферией, водя из стороны в сторону L-образным хвостом, на коротком конце которого тоже вращался маленький закрытый винт-фенестрон.

Лидер, который только начал пересчитывать выгруженные из контейнера коробки, теперь спешил к башне, придерживая на бегу фуражку. Лицо Седьмого было крайне растерянным — Бунтарь еще никогда не видел командира в таком смятении. Остальные превенторы высыпали на середину Периферии со страйкерами в руках и удивленно пялились на приближающийся вертолет. Никто из «Ундецимы» за эти годы не видел так близко летающие машины Одиума, изо-

бражения коих также хранились в Скрижалях. Если вертолеты и самолеты и пролетали над Периферией, то всегда на большой высоте, двигаясь по небосклону маленькими, едва отличимыми от птиц точками. Таких дерзких полетов, как этот, пилоты Одиума здесь еще не предпринимали.

Раньше пришельцы всегда предпочитали передвигаться пешком, и если сегодня они изменили своей многолетней привычке, значит, на это, несомненно, была причина. Но больше всего превенторов сейчас волновало другое: они понятия не имели, как противодействовать вторжению с небес, если таковое вдруг произойдет. И хотя, судя по размерам летательного аппарата, в нем могло разместиться не более двух человек, неизвестно, чем они вооружены. Самое страшное оружие, каким изредка пользовались пришельцы-активисты, состояло из подобранных ими в округе камней и палок. «Небесные» же гости могли привезти с собой все, что угодно. И хорошо, если страйкеры превенторов окажутся пригодными для обороны от пока неизвестной, но уже реальной угрозы.

Вертолет являлся самым маленьким из подобных ему летательных аппаратов, о каких знал Бунтарь. Если ему не изменяла память, Скрижаль называла этих механических стрекоз-переростков «Скайраннерами». Превентор глядел на вертолет и невольно думал, что картина, которую видят сидящие в нем пришельцы, более впечатляющая, чем та, что открывалась взору превенторов с наблюдательной башни. Разве только пилота и его пассажира нервировал неутраченный шум винтов, но в таком головокружительном полете это было лишь мелким неудобством.

«Скайраннер» снизился до уровня башенной смотровой площадки и завис, поднимая с земли тучи пыли. Превенторы, очутившиеся аккуратно под вертолетом, закрыли лица рукавами и спешно ретировались на безопасное расстояние. Сорванные с нескольких превенторских голов фуражки покатались по земле в раз-

ные стороны. Лидер взобрался на башню и теперь следил за гостями вместе с наблюдателем; в данный момент вахту там несла Быстроногая. Седьмой пока не отдавал никаких приказов, да их все равно никто бы сейчас не расслышал — винты «Скайраннера» заглушали своим свистом все звуки.

Бунтарь находился далеко от точки, над которой завис вертолет, и поэтому поднятая пыль не мешала Первому рассмотреть гостей. Сквозь стекла кабины были видны двое пришельцев. Один, в шлеме и черных очках, пилотировал аппарат; второй — без шлема, но в больших наушниках — приоткрыл боковой иллюминатор и рассматривал Периферию в бинокль. Пилот начал медленно вращать «Скайраннер» в воздухе, описывая его изогнутым хвостом окружности. Бунтарь смекнул, что при помощи такого маневра пилот помогает наблюдателю лучше изучить окрестную территорию. А превенторы в свою очередь получили возможность разглядеть малознакомый летательный аппарат со всех сторон. И сразу же обнаружили на его корпусе кое-что любопытное.

Через весь бок блестящей на солнце кабины проходила отчетливо различимая надпись: «Звездный Монолит». Вряд ли из-за пылевой завесы всем превенторам удалось прочесть эту надпись, но большинство братьев Бунтаря ее явно рассмотрело. И вряд ли кто-либо из них мог сказать, что означает это название.

Прочертив в воздухе еще пару кругов, «Скайраннер» заложил лихой вираж, после чего развернулся и последовал в обратном направлении, держа курс так же вдоль просеки. Минута — и вертолет уменьшился до размеров точки, а потом вовсе исчез в синеве утреннего неба. Ритмичный шум винтов затих чуть раньше, постепенно уступив место привычному стрекоту кузнечиков и щебетанию птиц.

Отобрав у Быстроногой бинокль, Лидер не отрываясь проследил с башни за гостями, пока те не пропали из поля зрения, затем спустился вниз и начал обеспо-

коенно озираться. Превенторы в ожидании приказа внимательно следили за командиром. Озадаченно чешущий макушку Седьмой мог приказать сейчас все, что угодно: и дать отбой, и готовиться к отражению атаки — слишком уж поведение пришельцев напоминало предбоевую разведку. Но вместо приказа Лидер снял фуражку, отряхнул ее от пыли и в задумчивости побрел в штаб.

Командир вел себя более чем странно. Бунтарь все ждал, когда он бросится за советом к своей Скрижали, однако Седьмой даже не снял ее с пояса. Пронаблюдав за остальными превенторами, Первый отметил, что и они не прикасаются к Скрижалям. Это тоже было весьма неестественно. На Периферии произошло из ряда вон выходящее событие, а бойцы «Ундецимы» даже не пытались выяснить, что на сей счет ответит им Претор. Сказать по правде, в эту минуту Бунтарь впервые пожалел о своей разбитой Скрижали, поскольку сам был бы не прочь получить из Контрабэллума хотя бы маломальскую инструкцию.

Лидер вернулся в штаб, а угрюмые превенторы столпились у наблюдательной башни, обсуждая престранное событие. Но Первый не стал подходить к товарищам, хотя ему тоже страсть как не терпелось послушать их разговор. Бунтарь не забыл о том, что незадолго до этого получил от Седьмого приказ, поэтому он обязан прибыть в изолятор, какие бы неожиданности ни начали сейчас твориться на Периферии. И уже у себя дома дожидаться дальнейших распоряжений. Бунтарь понадеялся на то, что Невидимка обязательно объяснит ему, почему это вдруг бойцы «Ундецимы» поголовно охладели к Скрижалям, без которых они раньше боялись даже выйти в сортир...

Интересная она, эта Невидимка. Вроде бы и не красавица рядом со своими более привлекательными подругами — Шептуньей, Смуглянкой и Быстроно-

гой, — но было в ней нечто такое, чего нет в остальных здешних женщинах. Простое, чуть скуластое лицо, тонкие губы, курносый нос, обычная короткая стрижка — прическа, которую Смуглянка вот уже пять делает своим подругам... Крепкая, худошавая фигура Невидимки выглядела достаточно скромно в сравнении, скажем, с фигурой общепризнанной «лидерши» Периферии по части красоты — Быстроногой. И все равно, из всех женщин Бунтарь всегда выделял для себя почему-то именно Одиннадцатую — Невидимку. Может быть, потому, что она тоже относилась к Первому не так, как остальные?

Среди превенторов Одиннадцатая считалась недоторгой. И все потому, что кроме Бунтаря она ни на кого из мужчин не обращала внимания. Даже на Лидера, что было весьма болезненным ударом по его самолюбию. Невидимка подчеркнуто холодно относилась к ухаживаниям мужской половины «Ундецимы», соглашалась делить постель только с бывшим возмутителем спокойствия, остающимся и по сей день потенциальной угрозой местному порядку.

Чем вызвана ее особая страсть к Бунтарю, Невидимка никогда не объясняла — будучи от природы молчаливой и замкнутой, она вообще не любила откровенничать ни с другом, ни с кем-либо еще. Впрочем, Первый ее особо и не допытывал. Им нравилось быть вместе, и этим все сказано. Бунтарю такая привязанность здорово льстила, и он в благодарность подруге отвечал ей тем же. И пусть иногда они мутузили друг друга на Помосте, это ничуть не умаляло теплоту их отношений. Первый и Одиннадцатая являлись самой крепкой парой на Периферии, где отношения между мужским и женским контингентом были достаточно раскованными. Поначалу товарищи потешались над Бунтарем и Невидимкой — стоило ли создавать искусственные ограничения там, где можно вполне обойтись без них? — но со временем привыкли к их обоюдной преданности и даже стали в какой-то мере

уважать Первого и Одиннадцатую за их принципиальность.

После изоляции Бунтаря Невидимка хотела сначала переселиться к нему, но Лидер ей это запретил: все-таки изолятор есть изолятор, а не любовное гнездышко. Но навещать узника Одиннадцатой не возбранялось, поэтому она частенько гостила у Первого, не позволяя ни ему, ни себе подолгу страдать в разлуке.

Сегодня Невидимка появилась у Бунтаря в своей обычной манере, проникнув в изолятор совершенно незамеченной и без единого звука. Бунтарь всегда удивлялся, как это получается у Одиннадцатой. Прямо мистика какая-то, иного слова и не подберешь. После возвращения с Помоста узник четверть часа просидел в раздумье на террасе, но и на этот раз не сумел слышать, как Невидимка подкралась к нему, нарисовавшись за спиной, словно из воздуха.

— Привет, — негромко произнесла она, заставив вздрогнуть привыкшего к тишине Бунтаря. — Лидер сказал, что подпортил тебе на Помосте личико, и теперь его надо малость подштопать.

— Вот ублюдок! — вырвалось у Бунтаря. Он снял с рассеченной брови временную повязку и предстал перед подругой, шеголяя боевой отметиной, словно наградой. — А о том, что сегодня именно он гремел костями по доскам, Лидер, конечно, не похвалился?

— Разумеется, нет. Но ты ведь его знаешь — он все еще полон надежд произвести на меня впечатление.

— А тебе, значит, больше нравятся мужчины со свежими ранами?

— Тоже мне рана! Мог бы и сам заштопать такую пустяковую царапину, — шутивно проворчала Невидимка, открывая кейс с медикаментами и хирургическими инструментами. — А может, ты нарочно лоб под страйкер подставил, чтобы со мной увидеться? Хороший повод нашел, слов нет.

— Чего не сделаешь ради любви, милая, — усмехнулся Бунтарь и поморщился, когда Одиннадцатая че-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	36
Глава 3	70
Глава 4	97
Глава 5	124
Глава 6	149
Глава 7	177
Глава 8	202
Глава 9	247
Глава 10	289
Глава 11	316
Глава 12	339
Глава 13	384
Глава 14	417
Глава 15	449